

Книги Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ

В соавторстве с Алексеем Пеховым

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 1992 году
Выпуск 766

Художник
В. Бондарь

Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.

Б95 Иногда они умирают: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 376 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1167-2

Далеко за пределами цивилизованного мира лежит легендарная страна Кайлат. Здесь находятся самые высокие в мире горы, живут мудрые, смелые люди и скрываются ответы на все сокровенные тайны жизни.

Чтобы узнать их — надо лишь добраться сюда.
И выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1167-2
© Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*Посвящается всем, кто дошел и вернулся.
Тем, кто пока только мечтает, но однажды решится.
А также тем, кто остался в этих горах навсегда*

Глава 1

КАЙЛАТ

Камни, лежащие горкой на грязном листе бумаги, отсвечивали робкими золотистыми бликами. Слишком робкими, слишком тусклыми.

— Берите, господин. Эти очень хорошие. Самые лучшие, — весело щебетала Муна, разворачивая новый замызганный сверток.

Эти топазы были еще хуже. Мелкие, непрозрачные и к тому же плохо отшлифованные. Они собрались на бумажном обрывке жалкой горсткой, похожие на мутные глаза дохлых рыб.

— Очень хорошие, — нахально заявила девчонка и посмотрела на меня честным взглядом.

— За кого ты меня принимаешь, Муна? — устало спросил я. — За глупого туриста? Эти камни не годятся даже на бусы для твоей младшей сестры.

Она состроила удивленно-обиженную физиономию, продолжая по инерции расхваливать товар и упрекать меня в недоверии. А я молча рассматривал ее.

Чумазое лицо с ярко накрашенными губами и веками, золотое кольцо в левом крыле носа, тоже не очень чистого. На длинных черных волосах повязка, расшитая нитью, которая раньше была бордовой. Между бровей тщательно приклеено несколько комочков розового риса — украшение по случаю праздника.

На пальцах с обгрызенными ногтями и наполовину об-

лупившимся алым лаком — кольца, тоненькие запястья увиты браслетами. В черных зрачках уже поблескивают опасные огоньки, напоминающие цветом камни, которые она продает.

Единственной настоящей драгоценностью на девушке был маленький голубой сапфир, вживленный в кожу над левой бровью. Для украшения всего тела Муна была еще слишком юной.

— Зачем так говорить, господин. Я всегда даю вам хороший товар, — сказала она уже менее уверенно, смущенная моим долгим молчанием.

— Другие камни есть?

— Нет, — замотала она головой. — Эти последние.

Я невольно вспомнил слова Уолта, с упоением рассказывающего об этой стране и населяющем ее народе:

«Там живут удивительные люди. У них даже нет таких понятий, как ложь и предательство. В языке просто не существует подобных слов. Можешь себе представить?»

К счастью, он никогда не был в Кайлате, и ему не пришлось пережить разочарование, постигшее меня. Почти в первые же дни узнавшего, что понятие «ложь» в данной местности не требует определения не из-за ее отсутствия. А как раз напротив — из-за естественности процесса обмана, и обозначалось оно тем же словом, что и «работа»...

Из низкого, приземистого дома, прижимавшегося задней стеной к склону отвесной скалы, выбрался мальчишка лет трех и, неуверенно переставляя изуродованные рахитом ноги, выгнутые колесом, подобрался к сестре. Сунув палец в рот, он застенчиво уставился на меня.

И я, как всегда, полез в карман, доставая шоколадку. Протянул ему. Братец Муны тут же доковылял ко мне и деловито схватил угощение.

— Вы берете? — вновь приободрившись, защебетала девушка. — Две тысячи всего. А то уже поздно-поздно. А вам идти далеко-далеко. Можете не успеть.

На последних словах ее голос дрогнул, в нем зазвучали странные гортанные нотки. Как у хищной кошки, глаза

снова опасно блеснули, и я увидел точно такой же голодный отсвет в зрачках ее маленького брата.

— Ты права, — ответил я, посмотрев на горы, неровными стенами встающие над долиной. Их вершины постепенно затягивали облака. — Надо торопиться.

Поднял рюкзак, привычно забросил его на плечи и пошел прочь. Муна защebetала мне что-то вслед, но ее голос вдруг оборвался, а я услышал за спиной хриплый окрик:

— Райн, погоди.

Я обернулся. С порога неторопливо спускался коренастый мужчина. Он сказал Муне что-то резкое на местном наречии — смеси найтили с пентха, и та, надувшись, ушла, прихватив с собой брата.

— Не спеши, — вновь обратился ко мне хозяин дома. — Есть для тебя кое-что.

Он вынул из кармана растянутых штанов небольшой мешочек, развязал тесемки и высыпал его содержимое себе на ладонь.

Мне показалось, что в тот же миг все вокруг озарилось ровным теплым светом. Золотые топазы. Несколько крупных, великолепно отшлифованных камней, наполненных сиянием. Именно за этим я ходил в горы едва ли не каждый месяц, кроме зимних. В нашем мире они стоили очень дорого и считались необходимым украшением у каждой уважающей себя женщины. Кто не мог приобрести натуральные, покупал подделки. Говорили, что в последнее время научились выращивать синтетические камни, практически неотличимые от природных. Но все же ни один из них не мог сравниться с настоящим кайлатским золотым топазом.

У Тиссы был такой камешек, который она любила носить, доводя до бешеной зависти своих подружек. И кто бы мог подумать тогда, что я сам стану добывать эти драгоценности.

— Сколько? — спросил я, вновь бросая рюкзак на землю.

Ранпур стоял в самом начале длинной цепи, по которой камни попадали в цивилизованный мир. Он по дешевке скупал их у местных добытчиков, потом перепродавал мне, я доставлял своему агенту, а тот отправлял в Амстел и Фи-

ренцу, где их взвешивали, оценивали, классифицировали и пересылали в ювелирные дома. А уже оттуда, в виде украшений, развозили по крупнейшим магазинам.

— Пять, — ответил Ранпур, подумав, и добавил с самым искренним видом: — Только для тебя.

Если бы у меня было время торговаться, я бы постарался сбить цену, но теперь приходилось торопиться.

— Хорошо. — Я отдал ему деньги и получил увесистый мешочек.

— Когда будешь в следующий раз? — спросил хозяин, задумчиво глядя на темнеющие горные склоны.

— Не раньше чем через месяц, — ответил я, убирая топазы во внутренний карман куртки.

— Лучше через два, — откликнулся он. — Шахты совсем плохими стали. Мало камней. Придется из-за перевала везти.

Это вполне могло быть правдой. За последние несколько лет крупных топазов стало гораздо меньше, а мелкие потеряли весь блеск.

Ранпур кивнул мне на прощание и неторопливо направился к дому. А я быстро пошел прочь. В ближайший поселок до темноты мне было точно не успеть, но я знал, где можно переждать ночь.

Видимые вершины гор все еще были освещены чистым розовым светом, однако в ущельях уже клубились густые сиреневые сумерки. Воздух стал влажным и густым. Пыль, висящая над дорогой, осела, и теперь, спешно спускаясь вниз со склона, я вдыхал запах осенней листвы и тумана.

Тишину нарушало лишь негромкое журчание реки на дне ущелья и звук моих шагов.

По краю обрыва росли кусты барбариса, усыпанные красными продолговатыми ягодами, и редкие сосенки. Туман, поднимающийся снизу, окутывал их серым облаком. И каждое новое дерево становилось похоже на призрака, скорбно склоняющегося над пропастью.

Я прибавил шаг.

Говорят, что когда-то в незапамятные времена над этими горами пролетала птица Сиал-чари. Тень от ее крыльев накрывала поселки, и с тех пор с наступлением темно-

ты их жители стали превращаться в кровожадных хищников. А поскольку полет этой мифической птицы был весьма неровным, узнать, каких поселений коснулась ее тень, можно было только на личном опыте.

Впрочем, иногда мне казалось, что эта тень лежит и на всем цивилизованном мире, в котором я жил до того, как пришел в горы. Хотя мои соотечественники не охотились за поздними путниками после захода солнца и не устраивали кровавых оргий над их расчлененными телами.

Тропинка круто сбегала по склону. С обеих сторон над ней нависали камни, обросшие разноцветным лишайником, между которыми торчали пучки подсохшей травы.

Сверху уже был виден низкий забор, грядки, заросшие сорняками, кусты и каменный домик с одним окном. Не так давно здесь была ферма по восстановлению редких видов растений, существующих лишь на территории Кайлата. Кто-то из известных альпинистов решил вложить деньги в восстановление местной флоры, страдающей от наплыва туристов. Но из этой затеи ничего не вышло. Никто из кайлатцев не стремился помогать ему работать с растениями в питомнике, считая, что те и сами неплохо растут. Альпинист вскоре потерял интерес к разведению реликтов в одиночестве и занялся редкими животными, перебравшись в Аранпур, где сумел найти единомышленников. Но дом сторожа до сих пор стоял здесь и не спешил разваливаться.

Сумерки сгустились еще больше, и теперь я почти бежал вниз по дорожке.

Внезапно сверху послышались хруст, шелест, тяжелые шаги. Резко подняв голову, я увидел круглую морду эбо, равнодушно взиравшего на меня из кустов. Он помахивал ушами и ритмично двигал нижней челюстью, пережевывая жвачку.

— Шел бы ты отсюда, парень, — сказал я ему. — А то встретишь ненароком своих хозяев.

Он отвернулся и с легкостью, нереальной для могучей косматой туши, стал взбираться вверх по практически отвесному склону. Похоже, внял предостережению.

Вот наконец и забор. Я протиснулся в дыру между досок и оказался на территории фермы. Быстро прошел по узкой

тропинке к сторожке. Вошел в дом, плотно закрыл за собой дверь и лишь после этого позволил себе вздохнуть с облегчением.

Внутри было темно и пусто. На полу лежал толстый слой прелых листьев, пахло сыростью и гнилыми досками. Света, просачивающегося через небольшое окошко с уцелевшим грязным стеклом, хватало лишь на то, чтобы увидеть смутные очертания какого-то темного предмета в углу.

Я чиркнул зажигалкой и осветил маленькую комнату с покосившимся топчаном. Порылся в кармане, достал свечку, зажег ее и прилепил на узкий подоконник. Таиться не имело смысла. Меня все равно найдут рано или поздно. В этом я тоже успел убедиться. Поэтому вытащил из переднего клапана рюкзака кусок бечевки и намотал ее на дверную ручку и скобу, торчащую из косяка. Раньше я бы никогда не поверил, что обрывок простой на первый взгляд веревки может спасти мне жизнь, но несколько лет, проведенных в этих горах, помогли мне понять, что в нашем мире случаются очень странные вещи.

Темнота за окном наполнилась звуками. Вместе с ночным холодом, проникающим внутрь сквозь щели домика, стали просачиваться громкие шорохи, потрескивание, глубокие гулкие вздохи, быстрый топот чьих-то маленьких ножек, пронзительные крики ночных птиц, а может быть, и не птиц. Впрочем, сейчас все это звучало достаточно мирно, мне приходилось слышать по ночам кое-что и похуже. Особенно на перевале Гойо.

Стараясь не обращать внимания на эту суету за дверью, я достал из рюкзака горелку, установил на ней котелок, вылил в него воду, набранную еще днем у реки. Пока она грелась, расстелил спальник на топчане, размышляя, открыть последний пакет супа или сохранить его на утро.

Мельком поднял взгляд на окно, и холодный озноб кольнул кожу на затылке. С той стороны к стеклу прижималась человеческая ладонь. Мне показалось, что я могу разглядеть каждую линию на грязно-серой коже и каждый бугорок мозоли. Несколько мгновений рука оставалась неподвижна, потом пальцы начали медленно сжиматься, раздался громкий скрежет, и я увидел длинные когти, про-

царапавшие на стекле тонкие полоски. Затем послышалось ехидное хихиканье, и рука убралась, растаяла в темноте.

Я выпрямился, сообразив, что все это время почти не дышал.

Шутка. Это была всего лишь шутка. Неожиданный гость решил позабавиться над неосторожным путником. Пока только позабавиться.

Вдоль стены прошуршали крадущиеся шаги. Кто-то поскребся у двери, хмыкнул, а затем издал приглушенное ворчание, словно голодная собака, почуявшая кость.

— Муна, это ты? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и уверенно.

Видимо, это получилось, потому что за дверью затихли. Потом снова зашуршали, заскреблись, громко сопя.

— Иди домой, — сказал я доброжелательно. — Лучше иди домой.

В щель между досками заглянул темный глаз, светящийся по краю радужки неровным, мерцающим светом. Он смотрел на меня с жадным, звериным любопытством, не мигая. В дыру между дверью и косяком просунулись пальцы, украшенные знакомыми золотыми колечками и кривыми серыми когтями. Они осторожно ощупывали дерево, словно ища охранные знаки или запоры, коснулись веревки и поспешно отдернулись.

Муна... то, что было Муной днем, обиженно взвизгнуло и опять уставилось на меня сквозь щель.

— Уходи, — повторил я. — Сюда ты войти не сможешь. Ищи другую добычу.

Ответом мне было глухое, недовольное бормотание. Если бы она встретила меня ночью в горах, убила бы не задумываясь, но инстинкт запрещал ей входить в чужой дом. Объяснялось это просто — нападешь на жилище соседа, и в следующий раз он разорит твое. Быть может, на меня, чужака, подобное правило не распространялось, но веревка, сплетенная из волос ашура, отпугивала ее, как отпугивает зверей запах более крупного и опасного хищника.

Вновь послышалось негромкое ворчание, напоминающее неразборчивую человеческую речь. Зашелестели шаги, теперь как будто удаляющиеся от домика. Я подождал не-

сколько минут, но ничего не происходило. Глубоко вздохнул, только теперь обратив внимание на бульканье закипевшей воды. Наклонился, повернул рычажок на горелке, уменьшая ее мощность, разорвал пакет с супом и щедро высыпал его содержимое в кипяток. Потянулся за ложкой, но именно в этот момент в дверь с той стороны ударилось что-то тяжелое.

Я резко повернулся к входу и тут же услышал приглушенный злорадный смех. А в щели снова замаячил любопытный глаз. Муна хотела убедиться, что чужак достаточно испуган. Я не доставил ей такого удовольствия, делая вид, будто занят. Но незаметно вынул из ножен кривой клинок и положил рядом с собой.

Уолт любил говорить о том, что люди Кайлата мудры, сильны, далеки от цивилизации и не испорчены ею, в отличие от нас. «Они близки к природе, фактически они — часть ее, — часто повторял он, пристально глядя на меня, словно пытаюсь донести какую-то тайную, глубокую мысль. — Думаю, только они могли избежать жестокой участи нашего мира...»

За дверью затихли, видимо, придумывали, как бы вывести меня из себя или напугать посильнее, чтобы заставить выйти из дома.

Снова шаги, на этот раз в сторону окна. Рама задрезжалась, а потом во все стороны брызнули осколки, свеча погасла и упала на пол. Теперь дом освещал лишь синеватый огонек горелки. Но в нем было видно, как в зазубренную дыру просунулась тонкая серая рука, затем плечо, всклокоченная голова. Взгляд блестящих глаз обежал комнату, задержался на котелке, в котором тихо побулькивало содержимое, но не нашел меня, стоявшего прижавшись к стене рядом с оконным проемом. Муна попыталась протиснуться дальше, и в то же мгновение я крепко схватил ее за обманчиво хрупкую руку. Она взвизгнула от неожиданности, рванулась, но тут же замерла, почувствовав лезвие ножа, прижатого к своей шее.

— Иди... домой, — сказал я отдельно и отчетливо, словно обращаясь к животному, которое никак не может выполнить команду. — Или мне придется убить тебя.

Под тонкой кожей ее руки напряглись мышцы. Муна скосила глаза на блестящее лезвие, облизала губы и устоялась на меня. В синеватом свете это грязное хищное лицо казалось уродливой пародией на человеческое. Хотя было вполне узнаваемо.

Я посмотрел в ее расширившиеся зрачки и, стараясь вложить в это слово всю свою волю, произнес тихо:

— Уходи.

Она, кажется, даже перестала дышать.

А я выпустил ее руку, чуть оттолкнув. Муна зашипела, выскальзывая на улицу. И я увидел, как она бежит прочь, опустив голову и низко пригнувшись к земле.

Снова стало тихо. Из дыры потянуло холодом и запахом мокрой листвы.

Я сел на топчан, машинально вытирая лоб. Давно мне не приходилось делать ничего подобного.

Уолт называл это умение «силой души» и лишь в нем видел надежду на выживание для таких, как я и как он сам. Но оно отнимало очень много физических сил.

Я снова зажег свечу, выключил горелку и придвинул ближе котелок...

В первое время мне казалось диким, как может застенчивая юная девушка или приветливый юноша превратиться в жестокое, хитрое, кровожадное чудовище, а утром опять стать прежними. Не испытывая никаких угрызений совести за то, что натворили ночью. Для них это было обычным явлением, как дождь, ветер, смена времен года.

И я тоже привык к этой новой реальности.

Глава 2

НАМАЧЕ

Остаток ночи я провел в полудреме, даже во сне продолжая прислушиваться к шелесту и шорохам вокруг дома. Но все эти звуки были безопасными. Больше никто не пытался проникнуть в мое убежище.

По-настоящему крепко я уснул лишь под утро и проснулся, когда в разбитое окно полился сероватый рассвет.

Собрав вещи и быстро позавтракав, вышел на улицу. Трава была покрыта инеем. Он похрустывал под ногами, пока я поднимался вверх по тропе. Тучи разошлись, и в бледно-розовом свете стала видна белая изморозь, за ночь покрывшая темные склоны гор. Когда встанет солнце, она растает, испарится под пока еще жаркими лучами, превратится в облака.

Ветер, текущий с ледников, нес с собой аромат холодной свежести.

Я оказался на дороге, ведущей к следующему поселку, оглянулся. Седой Старик — одна из самых величественных, на мой взгляд, гор на треке, уже был подсвечен восходящим солнцем. Казалось, он стоял, склонив голову, и грозно смотрел из-под косматой шапки волос на ослепительные вершины длинного хребта, тянущегося через весь материк.

Собственно, именно из-за этих гор сюда приезжали туристы со всего света. С другой стороны долины, напротив Старика, блистал на фоне синего неба неровный конус Ю-Чой. А рядом с ней застыла Одинокая Дева. Прекрасная и неприступная. Эти гиганты казались мне пришельцами из какого-то другого, невероятного пространства. Ледяные, безмолвные, равнодушные, не замечающие с высоты своего величия живой мир, копошащийся у их подножий. А если вдруг видели на своих замерзших склонах кого-то из людей, наказывали очень жестоко.

Я шел по тропе, чувствуя, как постепенно согревается воздух и река, текущая в ущелье, начинает бормотать все громче. Позвякивали колокольчики эбо, навьюченных тюками с продуктами, сеном, канистрами с бензином или оборудованием экспедиций, направляющихся к метеостанции. Особенно забавно смотрелись аккуратные белые коробки с рисунком в виде синих полос и крылышек транснациональной почты, грязной веревкой примотанные к лохматым спинам. Неожиданный отголосок цивилизованного мира в дикой реальности Кайлата.

Едва заслышав перезвон колокольчиков, я привычно отошел к краю тропинки и шагнул на невысокий выступ, прижимаясь к крутому склону. Это было одно из правил

жизни в горах. Единственные, кому уступали дорогу всегда, — были эбо, неважно, несли они груз или шли порожняком.

Если этого не сделать — по незнанию или замешкавшись, — можно легко оказаться сброшенным в пропасть.

Я стоял, глядя, как эбо медленно проходят мимо, опустив морды к самой земле и натужно дыша. Сейчас, ранним утром, им было не так жарко, но в полдень, когда солнце начнет припекать, воздух нагреется и поднимется пыль, животным придется нелегко.

Караван из пяти зверей сопровождали два погонщика. За ними шли носильщики, нагруженные не меньше эбо. Одного из них я знал. Еще совсем молодой парень, тащивший огромный рюкзак, увидел меня, расплылся в улыбке, остановился, сложил ладони лодочкой, поднес их к подбородку — поклониться у него не получилось из-за неподъемного груза — и сказал:

— Намаскар, Рай-джи.

— Намаскар, Рисаб, — ответил я, спускаясь с утеса. — Куда идете?

— К монастырю. — Не снимая рюкзака, он прислонился к выступу, давая отдых спине, и с любопытством уставился на меня. — Туда приедет много иностранцев. Говорят, будут снимать фильм. — Последнюю фразу он произнес с особой гордостью, словно сам собирался принимать непосредственное участие в грядущих событиях. — А ты куда?

— Обратно, в Лукулу.

— О! — значительно произнес он, щуря черные глаза. — Может, тебе носильщик нужен? Ты бы подождал в Намаче. Я быстро поднимусь, а потом назад пустой.

Весь этот разговор не имел особого смысла. Рисаб прекрасно знал, куда я иду, сколько на это потрачу времени, что привык носить свои вещи сам и уж тем более не стану терять день для того, чтобы дожидаться, пока он спустится, но правила дорожного этикета требовали обстоятельно обсудить эти вопросы. Остальные двое носильщиков с любопытством прислушивались к нашему разговору.

— Спасибо, Рисаб, я сам справлюсь.

На смуглых до черноты физиономиях приятелей моего собеседника появилось одинаковое выражение разочарования и легкого недоумения.

По мнению большинства кайлатцев, белые люди не должны носить свои рюкзаки. У них так много денег, что они обязаны нанимать для таскания тяжестей местных и давать им таким образом заработать. Поэтому я вел себя, с их точки зрения, странно, если не сказать неприлично.

— Ладно, Рисаб, мне пора.

— Намаскар, Рай-джи, — сказал он, ничуть, впрочем, не удивленный моим отказом. — Еще увидимся.

— Намаскар, — ответил я и, пропустив носильщиков, пошел дальше.

Яркое, чистейшее небо стало излучать непереносимое для глаз сияние. Пока на нем не было ни единого облачка. Профили гор казались нереально четкими, видимыми до последней морщинки. Снежные пики, возвышающиеся над склонами, покрытыми лесом, блистали идеальной белизной. Я надел солнцезащитные очки, и краски вокруг стали чуть более приглушенными.

Дорога, ведущая в Намаче, прежде безлюдная, постепенно становилась все более оживленной. Сначала это были только носильщики, нагруженные вещами туристов, спешащие, чтобы успеть занять места в лоджах для своих подопечных. Я уже знал почти каждого из них — дорога одна, и людей, работающих на ней, было не слишком много. Не останавливаясь, мы обменивались приветствиями и шли дальше, занятые каждый своим делом.

Затем стали появляться первые трекары. Мимо меня проходили группы по трое, пятеро и больше человек, отлично экипированные, с легкими разноцветными рюкзаками за плечами, фотоаппаратами и биноклями, в сопровождении внимательных гидов.

Время от времени попадались и компании людей, выглядящих гораздо более закаленными суровыми невзгодами походной жизни. Эти сами несли свои внушительные рюкзаки, презрительно поглядывая на несамостоятельных туристов, отдающих поклажу носильщикам. И, в отличие от них, почти не отвлекались на созерцание пейзажей, уже

видев эти горы в прошлые посещения. Их интересовали не прогулки у подножий, а покорение новых вершин. За ними тоже следовали гиды, четко соблюдая правило — не пускать чужаков одних разгуливать по священным тропам, но давая подопечным больше воли.

Встречные провожали меня любопытными взглядами. Ведь я был один и явно не походил на обычного путешественника.

Солнце уже поднялось над горами, когда на фоне неправдоподобно синего неба появился первый молельный камень. Огромный черный валун, на котором были искусно выбиты, а затем раскрашены белой краской древние символы, стоял в окружении красных цветов и густой зеленой травы. Его контуры напоминали очертания горы, возвышающейся за ним.

Я остановился рядом ненадолго. Мне, как всегда, захотелось коснуться белых иероглифов. Приложив ладонь к теплой шершавой поверхности, я закрыл глаза, вспоминая ночное происшествие.

«Чувства — основа души, — часто повторял Уолт, — мы должны строить свою жизнь так, чтобы испытывать их как можно полнее. Чем они глубже и ярче, тем больше силы дают нам. Но кроме этого «сила души» требует особой ответственности и соблюдения некоторых правил. А их каждый из нас устанавливает для себя сам».

Моим правилом было — относиться с почтением к неведомой силе, живущей в этих горах. Иногда меня слышали, иногда нет. Но почти всегда возвращали утраченное спокойствие.

...Негромкий щелчок и яркая вспышка отвлекли от размышлений. Я обернулся и увидел девушку с дорогой фотокамерой, все еще направленной в мою сторону.

— Извините, — произнесла она на международном без капли смущения или вины в голосе. — Я вас сфотографировала. Уж очень колоритно вы смотрелись на фоне этого камня. Вы, кажется, молились?

— Нет, — ответил я на том же языке, рассматривая незнакомку. — Просто задумался.

Очень хорошенькая и самоуверенная. Темно-русые во-

лосы повязаны яркой косынкой, футболка туго обтягивает грудь, короткие шорты открывают длинные, стройные ноги. Но загар на них не местный — явно морской, бархатно-золотистый. Солнце Кайлата делало кожу очень темной, часто сероватой.

— Вы откуда? — спросила туристка, также внимательно рассматривая меня из-за черных очков, надежно скрывающих ее глаза.

— С Гойо.

— И как, поднялись? На самый верх?

Я машинально отметил, что она говорит бегло, но чуть тверже, чем нужно, произносит букву «р», а еще иногда растягивает гласные — значит, уроженка северных островов... Только у них был такой характерный легкий акцент, отличающийся от выговора материковых жителей.

Эта привычка — вслушиваться в речь окружающих и анализировать ее, давно стала частью моей натуры. И она давала мне возможность больше узнавать о людях, не задавая лишних вопросов. Любой человек мог рассказать мне историю своей жизни, бросив всего лишь несколько обыденных фраз.

Из-за высокого камня вышли двое молодых людей. Таких же молодых, загорелых и довольных путешествием, как и моя собеседница.

— Не жарко? — тут же спросил один, окинув мою более плотную и темную, чем на них, одежду снисходительно-веселым взглядом.

— Как там с погодой? — поинтересовался второй.

У обоих была та же особенность речи, что и у девушки. Скорее всего, эти трое — с одного острова, а быть может, даже из одного города.

Обычные разговоры на тропе. Кто откуда идет, на какую вершину поднялся, и каких усилий это ему стоило.

Я начал отвечать на вопросы, как вдруг лица людей поплыли у меня перед глазами и загудело в ушах. Камень, которого я касался только что, отвечал мне.

Солнечная долина смазалась, растворилась в неправдоподобно яркой картине.

Я видел поникшую траву, белую тропинку, глубокой ко-

леей вытоптанную в земле. Низкие, клонящиеся к земле деревья с перепутанными кронами и серым мхом на стволах. Алые листья данф, красные лишайники на камнях. И кровь. Очень много крови, заливающей землю. Обрывки одежды, распотрошенные рюкзаки, разодранные чьими-то острыми когтями.

Облака, сползающие со склонов, то застилали, то снова открывали это зрелище. И прежде чем я успел ощутить запах, висящий над поляной, видение расселось.

— Куда вы идете? — спросил я хрипло, вытирая внезапно взмокший лоб.

Молодые люди смотрели на меня с недоумением и легкой тревогой.

— Похоже, у вас горная болезнь, — серьезно сказала девушка с камерой. — Надо спускаться.

— Где ваш гид?

На тропинке появился кайлатец средних лет, увидел меня и улыбнулся:

— Намаскар, Рай-джи.

Он знал меня, но я, все еще оглушенный видением, смотрел на его добродушное лицо, покрытое тонкими морщинами, и не мог понять, кто он такой. Перед глазами по-прежнему стояли багровые лужи. Очень редко ко мне приходили такие озарения, но если я видел нечто подобное, сомневаться в их правдивости не приходилось.

— Не ходите к Ю-Чой, — сказал я проводнику на найти-ли, поняв вдруг, где растут эти красные цветы и лежат багряные камни. На перевале Минг-Ла. — Вернитесь. Переждите день.

— Что ты видел? — спросил кайлатец, став предельно серьезным.

— Кровь, разорванная одежда. Тел нет, но... людей тоже нет.

— Ясно, — ответил гид, приложил сомкнутые ладони ко лбу, поклонился камню, пробормотал короткую молитву, благодаря высшую сущность за предостережение, переданное через белого чужака, обладающего третьим зрением.

Затем повернулся к подопечным и заявил на международном:

— Нам лучше пойти назад. Так будет безопаснее. Погода испортилась, и мы не дойдем до перевала.

— Что?! — возмутился один из парней, вытаращив глаза. — Как назад? Да у нас же все по дням расписано! Мы не успеем. И погода прекрасная!

— Не уложимся в график, придется идти быстрее, — подхватил второй более вежливо. — А как же адаптация?

— Радж, тебе этот тип что-то сказал? Да ты посмотри на него, он же больной.

Кайлатец с непроницаемым лицом слушал их возмущение, а я вдруг вспомнил его. В прошлом году у этого гида погиб один из трекеров. Заблудился в тумане во время короткой прогулки на небольшой высоте. Еще одна нелепая смерть. И теперь для бизнеса Раджа будет очень плохо, если в его группе не вернется кто-то еще, а уже тем более — он сам.

Девушка тоже молчала, глядя на меня, и даже сквозь ее непроницаемые горные очки я чувствовал напряженный, вопросительный взгляд.

— Думаю, надо повернуть, — сказала она, оборвав на полуслове одного из своих спутников.

— Кира, ты что, серьезно? — тут же повернулся он к ней. — Мы заплатили кучу денег, а теперь из-за какого-то ненормального...

— Он не псих. — Она неожиданно сняла очки, и я увидел ярко-голубые внимательные глаза. — И я хочу вернуться. Вы можете отправляться дальше, а я пойду обратно.

Молодые люди с одинаковой неприязнью посмотрели на меня и, обступив девушку, принялись вполголоса уговаривать ее не делать глупостей.

— Думаешь, ты сможешь их убедить? — спросил я гида тихо.

— Смогу, — убежденно ответил тот. — Скажу, что в лоджах при монастыре закончились все места и ночевать им придется под открытым небом. Никуда не пойдут.

Я невольно улыбнулся, слыша этот уверенный обман.

— Спасибо, Рай-джи, — вдруг сказал он. — Мне говорили, что у тебя есть третье зрение, но я не верил. Теперь знаю. Удачной дороги тебе.

Я пожал на прощанье его протянутую руку и, оставив Раджа разбираться с подопечными, пошел дальше.

Тропа обогнула гору, и вершина Седого Старика оказалась у меня за спиной. А когда на горизонте появились крутые склоны Тамерску, меня догнала уже знакомая путешественница.

— Куда это вы так несетесь? Еле догнала, — сказала Кира с легким упреком, переводя дыхание, и тут же уточнила: — Я с вами. Вы ведь в Намаче.

— А как же ваши друзья?

— Стоят на том же месте и пререкаются с Раджем. — Она презрительно дернула плечом и добавила с уверенностью: — Все равно обратно к вечеру приползут. А я пока на массаж схожу. Говорят, тут делают отличный аюрведический массаж. В Интернете посижу...

Она замолчала и продолжала идти рядом быстрым, решительным пружинистым шагом, бросая на меня любопытные взгляды.

— Вас Райджи зовут? — наконец осведомилась она.

— Райн. «Джи» — это вежливое окончание, которое кайлатцы иногда добавляют к имени.

— Вы и на местном языке говорите, — озвучила девушка свои размышления. — Давно здесь живете?

— Несколько лет.

Кира снова умолкла, пережидая, пока мимо пройдет очередная группа. И как только трекеры удалились на достаточное расстояние, сказала убежденно:

— Вы ведь увидели что-то там, у камня. Что-то про нас. Так? Сказали Раджу, и тот сразу поверил. Местные вообще верят во всякую ерунду. — Не останавливаясь, она приподняла камеру, висящую на груди, сфотографировала скалистую стену Тамерску. — Нам рассказывали кучу всяких преданий, поверий, сказок. Ну вроде того, что гора Одинокая Дева терпеть не может женщин и ни одна не может подняться на ее вершину. Или, например, если собираешься на Сагараматху, во время трека нельзя спать не со своим мужем. Или вот еще — непозволительно выходить из дома после захода солнца.

— Если вы не верите во все это, зачем повернули назад?

— В это не верю, но... — Она запнулась, обдумывая следующую фразу. — Я как-то читала в журнале статью. Там говорилось, что во всем мире есть несколько сотен человек, которые отличаются от остальных. Будто бы у них есть душа, поэтому они, в отличие от прочих, нормальных, такие странные. И психика у них очень неустойчивая, потому что они все время переживают из-за всяких пустяков, могут очень сильно привязываться к одному человеку...

Она рассмеялась, качая головой, и пнула мелкий камешек, попавшийся под ноги.

— Иногда у них бывают видения, вроде как у вас, в голову приходят чудные идеи, они часто совершают нелогичные поступки.

— Например, спасают кому-нибудь жизнь?

Кира снова весело рассмеялась:

— Ну примерно. Вернее, спасают чью-то жизнь, не получая от этого никакой выгоды. Да и удовольствия тоже. Или — совсем уж глупо — рискуют своей. В общем, я сразу поняла, что вы один из них.

В ее словах была часть правды. Наш мир всегда отличался односторонним восприятием. Простым и рациональным. Существует только белое или черное, горячее или холодное. А такие, как я, не вписывались в общую картину реальности.

— Меня, кстати, Кира зовут, — мило улыбнулась девушка.

— Я знаю.

Дальше какое-то время мы шли молча. Она периодически останавливалась, фотографировала понравившийся вид и опять догоняла меня.

Солнце припекало все жарче, и над белыми вершинами стали клубиться облака. Их легкие тени скользили по склонам и растворялись среди теней долины.

На пологом участке земли паслась лошадь с жеребенком. Он вскидывал голову, фыркал, мотал коротким лохматым хвостом и, смешно выбрасывая вперед ноги, бегал по загону.

— А мне говорили, что лошади здесь не водятся, — рассеянно заметила Кира, роясь в кармане.

— Их очень мало. Но в старинных легендах говорится, что раньше в Кайлате разводили коней и даже продавали их. В горах живет народность, которая до сих пор называется «таманг», что переводится как «продавец скакунов». И при дворе императора именно таманги работают в конюшнях. Но теперь в основном грузы перевозят на эбо. И на людях.

Она усмехнулась, словно услышала забавную шутку, вынула из кармана шоколадку, искоса взглянула на меня, но ничего не сказала.

Следующие полчаса пути Кира сосредоточенно размышляла о чем-то, даже перестав фотографировать. Хмурилась, пару раз с легким недоумением посмотрела на меня, покачала головой в ответ на какие-то размышления и внезапно спросила, лучезарно улыбаясь:

— А в поселке ты где остановился?

— На нижних террасах, — ответил я, уже прекрасно зная, к чему ведет этот разговор.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию? — В ее голосе не было ни малейшего сомнения в моем утвердительном ответе.

Кира кокетничала так, словно решала математическое уравнение. Уверенно и стандартно. Предмет она вызубрила на «отлично» и теперь прекрасно знала, в какое место формулы своего флирта подставлять взмах ресниц, улыбку или взгляд.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказал я мягко.

— Почему это? — совершенно по-детски обиделась моя собеседница, останавливаясь.

Мимо нас прошли несколько туристов, с любопытством поглядывающие на пару, выясняющую отношения посреди трека. Гид, идущий следом, деликатно отвернулся. У местных считалось неприличным демонстрировать глубокие личные чувства и тем более наблюдать за их проявлениями.

— Мы только что говорили о том, что я один из тех, у кого есть душа, — продолжил я. — На меня находят странные видения, и я часто совершаю нелогичные поступки.

Она кивнула, и ее губы искривились в легкой усмешке.

Кира решила, что спутник оскорблен ее замечаниями и теперь пытается отомстить, делая вид, будто не хочет выполнить простую просьбу.

— ...Но кроме этого, такие, как я, обладают еще одним противоестественным даром, талантом, не знаю, как лучше назвать. Мы привлекаем людей. Таких, как ты. Одних сильнее, других слабее, кого-то с первых минут общения, кого-то через неделю или месяц. Ты стремишься пойти со мной не потому, что хочешь этого сама.

На лбу Киры появилась глубокая вертикальная морщина, губы плотно сжались, а скулы напряглись. В ее черных зеркальных очках отражался белоснежный профиль Тамерску и легкая вуаль облака, окутывающая его.

— Я ничего не слышала об этом, — сказала девушка, легким пренебрежением маскируя озадаченность, а потом спросила: — Значит, поэтому ты живешь в Кайлате? Не хочешь, чтобы люди привязывались к тебе?

— И поэтому тоже, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Тогда ты определенно очень странный. — Лоб Киры разгладился, губы снова улыбались. — Любой жил бы в цивилизованном мире, пользовался своим даром, наслаждался вниманием окружающих. А ты сидишь в этой глуши... — Она не договорила, пожала плечами, поправила лямки рюкзака и пошла вперед.

Тропа сузилась, превращаясь в тонкую полосу, тянущуюся по склону горы. Здесь уже полгода восстанавливали кусок обвалившейся дороги, укрепляя ее металлической сеткой, засыпая пустоты щебнем и обломками валунов. Однако работа продвигалась очень медленно.

Нас догнали три носильщика, согнувшиеся под тяжестью длинных широких корзин, наполненных камнями. Впереди показался очередной караван эбо, и воздух сразу наполнился густым запахом навоза и потной звериной шерсти. Весело звенели колокольчики на косматых шеях, резкие гортанные крики погонщицы, а также удары палкой заставляли зверей двигаться быстрее. Немолодая женщина в темном платье и платке, низко надвинутом на лоб, угрюмо посмотрела в мою сторону, скользнула безразличным

взглядом по моей спутнице. И меня неожиданно коснулось довольно неприятное ощущение. Как будто с ледника долетел особенно холодный порыв ветра.

— Осторожнее. — Я взял Киру за локоть, уводя с пути эбо. — Здесь надо быть очень осмотрительным.

Видимо, мой голос прозвучал как-то необычно, потому что она настороженно покосилась на меня. Но послушно забралась на небольшой выступ над тропинкой, чтобы пропустить тяжело навьюченных животных. Я встал рядом с ней на этой крошечной площадке, вытопанной многими ногами, глядя на грязно-белые косматые спины, проплывающие ниже.

Носильщики также постарались избежать столкновения с неповоротливыми эбо. Двое из них прижались к отвесной скале, пропуская караван, а третий шагнул в другую сторону, ближе к обрыву...

А затем все произошло очень быстро.

Громоздкий, неуклюжий зверь, проходя мимо, всего лишь слегка задел человека тюком, прикрученным к косматому боку. Кайлатец покачнулся, взмахнул руками, пытаясь восстановить равновесие, но тяжелая корзина потянула его за собой. И он упал. Вниз, с крутого, почти отвесного склона.

На мгновение все вокруг будто замерло. Погонщица с суровым, замкнутым лицом, носильщики, согнувшиеся под своей ношей, медлительные эбо, даже пыль над дорогой. Лишь грохотали камни, вываливающиеся из корзины, и слышались глухие удары человеческого тела об острые валуны.

А потом Кира вскрикнула, до боли вцепилась в мою руку и произнесла свистящим шепотом, как будто не веря своим глазам:

— Ты видел? Он сорвался? Он что, правда сорвался?

Тут же заголосила погонщица эбо. Я скинул рюкзак и бросился к краю. Следом за мной спешили два носильщика, избавившиеся от своей ноши.

Внизу, на узком каменистом берегу реки лежало неподвижное тело. Сверху его едва можно было разглядеть.

— Разбился, — произнес на горкхали рядом со мной

один из кайлатцев без удивления, сочувствия или испуга. — Хотя, может, еще жив?

— Вряд ли, — ответил я на том же языке, вглядываясь в черную фигурку. — Слишком высоко.

— Ах, как жаль. Какой хороший человек был, — сказал второй, пожилой носильщик, с заученными интонациями огорчения и печали, но тут же заявил деловым тоном: — Спуститься надо.

Он посмотрел на меня, и я увидел в его черных узких глазах вполне понятное выражение опасения и настороженности. Видимо, он увидел то же самое в моем взгляде. Несколько мгновений пытался решить, как относиться ко мне — на обычного белого не похож, говорю на его языке, кажется, знаю местные особенности, но все же не местный. И кроме того, чувствовал во мне ту самую силу души, о которой так часто говорил Уолт и которая так сильно притягивала к подобным мне остальных людей. Наконец кайлатец кивнул молча, решив принять меня за своего. Вытащил из корзины веревку, смотал и повесил себе на плечо.

Погонщица скороговоркой выложила соболезнования по поводу случившегося, выразила сожаления о том, что не может остаться, чтобы помочь, — ей засветло надо быть в Тенгабоче, поклонилась всем присутствующим и быстро ушла со своими эбо.

Я видел, как она на ходу, оглядываясь через плечо, торопливо чертит в воздухе охранные знаки, перед собой и над спиной животного, столкнувшего человека.

— Ужас, — услышал я равнодушный голос Киры. Она стояла на безопасном расстоянии, наклонившись вперед и вытянув шею, чтобы разглядеть погибшего носильщика, лежащего внизу. — А ты был прав, когда предупреждал меня. Здесь действительно надо было быть осторожным. Как ты узнал, что он упадет? Эй, ты куда?

— Возвращайся назад, к Раджу. — Я отвязал трекинговые палки, пристегнутые к моему рюкзаку. — Мне придется задержаться.

— Почему? Что ты собираешься делать?

— Надо поднять тело.

Она передернула плечами от отвращения, хотела спро-

силь что-то, но к нам подошла еще одна группа трекеров. Посыпались неизбежные вопросы, восклицания и комментарии.

— Тут недалеко тропа есть. — Носильщик не обращал на них внимания. Его лицо, покрытое сеткой морщин и напоминающее старый pekanовый орех, было невозмутимо, однако темные глаза светились заметным беспокойством. — Можно вниз сойти. Идешь?.. — Он выразительно замолчал, и я, отвечая на его невысказанный вопрос, произнес:

— Райн.

— Тенгба, — вежливо представился он и указал на своего молодого товарища: — Лакпа присмотрит за вещами. Мало ли что. Сейчас еще двое наших подойдут, помогут. А мы пока с тобой вдвоем спустимся.

Второй носильщик широко мне улыбнулся и слегка поклонился.

— Намаскар, Рай-джи. — Ко мне подошел гид новой компании трекеров, рослый, по меркам кайлатцев, человек средних лет с правильными чертами смуглого лица.

Одет он был в хороший спортивный костюм, и небольшой рюкзак за его плечами казался явно не местного производства. Оба носильщика почтительно поздоровались с ним, он ответил им вежливо, но равнодушно и снова обратился ко мне:

— Что случилось?

— Намаскар, Юро, — ответил я. — Портер в пропасть сорвался.

Гид глянул вниз с обрыва, нахмурился, прикрыл глаза, пробормотал короткую молитву, затем жестом велел Лакпе подойти. Тот почтительно приблизился и стал подробно рассказывать, что произошло.

Кира, окруженная путешественниками — молодыми людьми и девушками, излагала им свою версию произошедшего, больше не обращая на меня внимания.

Мы вдвоем с кайлатцем пошли прочь от этой шумной, беззаботной толпы. Тенгба молчал. Говорить действительно было не о чем. Все ясно и так. Чем быстрее мы окажемся внизу, тем лучше.

Впрочем, когда обнаружилась узкая, петляющая тро-

пинка, ведущая к реке, он все же не удержался от комментария:

— Значит, это я про тебя слышал. Будто есть один сумасшедший белый, который по горам в одиночку ходит. И до сих пор жив.

Он внимательно посмотрел на ножны с клинком, висящие на моем поясе.

— Хукури в монастыре делали?

Обычно иностранцы называли клинок кухри, но местные предпочитали именно это название.

— Да.

Он одобрительно покивал головой и начал спускаться первым.

Трехсотмиллиметровый клинок моего ножа формой напоминал лист местного дерева сиру. Поэтому создатель этого клинка называл его сирупати. Считалось, что уникальный изгиб увеличивал силу удара в семнадцать раз. Моим кухри весом девятьсот граммов можно было перерубить ствол дерева диаметром двадцать сантиметров с одного удара. Когда я впервые взял его в руку, то понял, что центр тяжести смещен ближе к рукояти. Держать сирупати было удобно, однако стоило мне попробовать вращать кистью, сжимая нож, как возникло стойкое ощущение, что он сейчас вырвется из ладони. Понадобилось довольно долго упражняться, прежде чем я смог полностью приручить его.

Часто ножны для подобного оружия стоили дороже самого кухри, если изготавливались из ценных пород дерева или оникса, но мои были простыми, кожаными. В них имелись дополнительные отделения для «маленьких братьев» — двух ножичков, которые использовались для заточки и правки клинка большого брата, а также всевозможных мелких хозяйственных нужд.

Помню, первый раз я увидел хукури в деле, как только приехал в Кайлат. Такси везло меня по разбитым, шумным, пестрым улицам Кантипура, забитым людьми, мотороллерами, машинами и велорикшами. Я попал на один из праздников. Мощные изогнутые клинки рубили головы жертвенным животным. По мостовой текла кровь, со всех сторон слышались истошные вопли. И в какое окно я бы ни

посмотрел — везде видел обезумевшие от ужаса морды коз, овец, баранов с выпученными, страдающими глазами. Веселые женщины в красных одеждах направлялись к центральной площади. Мужчины, деловито переговариваясь, прижимали животных к камням и одним ударом перерубали им шеи. Мимо пробежал мальчик, держа отрубленную куриную голову и весело размахивая ею. Струя крови обрызгала стекло машины, ударив почти мне в лицо.

— Хороший знак, — довольно сказал водитель, оглядываясь на меня, и я понял, что почти все, что я знаю об этой стране, можно забыть и начинать изучать ее заново...

Спуск с горы стал еще более сложным, и мне пришлось отвлечься от воспоминаний.

Кайлатец шел очень быстро, почти бежал по извилистой тропинке. Я успевал за ним только потому, что опирался на трекинговые палки. Они помогали держать равновесие, перепрыгивать через валуны, постоянно попадающиеся на пути, и снимали нагрузку с суставов ног.

Но все же, несмотря на то что мы оба торопились, спускаться пришлось не меньше получаса.

Шум реки заглушал наши шаги и стук металлических наконечников моих палок о камни. Потянуло холодом от ледяной, бурлящей воды.

— Хорошо хоть все утром случилось. — Тенгба ниже нагнул на лоб свою потрепанную красную кепку. — Ночью или в сумерках мы бы здесь попрыгали.

— Пришлось бы отложить до утра.

— Нельзя откладывать, сам знаешь. — Он поспешно оглянулся на меня, чтобы удостовериться, действительно ли я знаю об этом.

Убедился, что не собираюсь задавать лишних вопросов, и успокоился.

В Кайлате обсуждать некоторые прижизненные и особенно посмертные свойства местных жителей считалось неприличным даже друг с другом.

Упавший лежал на том же самом месте, белые камни вокруг него были залиты кровью. Руки и ноги вывернуты под неестественными углами, голова разбита, лицо обезображено. Неподалеку валялась помятая корзина. Было видно,

что человек мертв, но я все же наклонился и прижал пальцем артерию на его шее.

— Знаешь, что такое небесные похороны? — Тенгба подтянул свои безразмерные штаны, перетянутые резинкой на поясе, закатал рукава спортивной кофты и сбросил с плеча веревку.

— Знаю. Видел. — Я не стал вдаваться в подробности о своих впечатлениях от этого зрелища. — Думаешь, у его семьи достаточно денег, чтобы заплатить могильщику-рогьяпе, который может провести их?

Тенгба с сожалением поцокал языком, обходя тело.

— Денег у нас действительно немного.

— У нас?

Кайлатец поднял голову, взглянул на человеческие фигурки, мелькающие у края склона.

— Он был младшим братом моего девера.

Меня уже не удивляли равнодушие и спокойствие кайлатцев, видящих смерть своих близких. По их верованиям, тело умершего было всего лишь пустой оболочкой, скорлупой, которую нужно просто снять для того, чтобы выпустить дух, совсем недавно оживлявший его. Ведь теперь, когда связь с плотью оборвана, ему надо поскорее отправиться в мир мертвых. И там ему будет гораздо лучше, чем здесь. Так что печалиться нет причины, но я все же сказал:

— Мне очень жаль. Прими мои соболезнования.

Тенгба молча кивнул.

В воздухе над нами начал кружить ворон, через пару секунд к нему присоединился второй.

— Уже пришли, — задумчиво произнес кайлатец, глядя на птиц — проводников в мир мертвых. — Скоро позовут других.

Затем он пробормотал знакомую мне краткую молитву напутствия для своего умершего родственника и принялся разматывать веревку.

Людей, стоящих на горе и смотрящих вниз, прибавилось. А через несколько минут послышались шаги, и к нам присоединились еще двое кайлатцев, спустившихся по той же тропе, что и мы. Они принесли с собой кусок ткани, в которую мы общими усилиями завернули тело, перевязав

его веревкой. В обратный путь, на тропу, где этот человек ходил при жизни, он отправился в корзине, которую носил прежде сам. Ее привесили на спину одного из самых крепких носильщиков, и тот тащил груз, пыхтя и отдуваясь.

Во всем происходящем была своеобразная горькая ирония. Сначала ты несешь свою ношу, затем можешь превратиться в нее сам, и кому-то придется поднимать тебя.

Как оказалось, Кира не ушла. Она дожидалась меня, сидя на уступе, нетерпеливо покачивала загорелыми ногами и от скуки фотографировала все подряд. Был уже полдень. Облака ползли вверх по склонам, закрывая белые вершины. Кайлатцы, коротко обсудив предстоящие похороны, которые будут проходить в районе Лхаса, разобрали свои вещи и направились в сторону Намаче.

Кира подождала, пока я попрощаюсь с носильщиками, забравшими тело разбившегося товарища, спрыгнула на землю и спросила как ни в чем не бывало:

— Ну, теперь мы можем идти?

— Ты не вернулась к Раджу? — Я прицепил трекинговые палки к рюкзаку и с неохотой поднял его, вновь надевая лямки на плечи. Все же я немного устал, поднимаясь обратно по склону и помогая тащить нелегкое человеческое тело.

— Нет. — Девушка недовольно скривила губы. — И мимо он не проходил. Значит, повел ребят... куда он там собирался их вести, показывать местные достопримечательности. А я с тобой, как и собиралась. Хорошо бы больше никто не сорвался в пропасть и заминок в пути не было.

Высказав это пожелание, она уверенно зашагала вперед.

До самого Намаче девушка со мной не разговаривала. Только поглядывала время от времени, выразительно поджимала губы и снова отворачивалась.

В поселок мы добрались примерно через час. Здесь я должен был ночевать прошлой ночью. Но теперь из-за вынужденной задержки мне придется миновать столицу высокогорного королевства.

Намаче был расположен на склонах, образующих глубокую воронку — зеленые террасы полей спиралями спускались до самого дна долины. Две горные реки, Бхот Коши и

Имья Кхола, огибали селение. Одна брала начало из-под вечно тающего ледника Нгозумпа, питающего озера Гойо, другая — с Локхотце. Весело журча на перекатах, потоки сливались в один и неслись дальше, в нижний Кайлат.

Крыши домов синели яркими веселыми пятнами, похожими на цветную мозаику, радующую глаз. В густой синеве неба снова медленно кружили две черные тени — вороны выискивали добычу.

Сначала мы шли по тропинке, вьющейся по склону горы, затем я увидел ступени, ведущие вниз, и указал на них Кире. Она кивнула и направилась по ним первой. Быстро, легко, уверенно.

— Где вы останавливались в поселке? — спросил я девушку.

— В «Снежном барсе», — ответила она, не оборачиваясь. — На нижних террасах.

Хороший отель, и дорогой. Один из первых в Намаче. Там отдыхали все знаменитые альпинисты и оттуда же шли самые первые экспедиции на вершину Матери Всех Богов — Сагараматху, Ю-Чой и Седого Старика.

— Я отведу тебя, попрошу дать комнату и сообщу Раджу, что ты там.

— Я и сама могу. — Кира оглянулась на меня через плечо, и ее черные очки отразили солнечный блик.

— Одну тебя не пустят.

Она не стала спорить, равнодушно пожав плечами.

По узким, неровным, пыльным улицам Намаче бродили туристы, местные жители, эбо и носильщики. Почти возле каждого дома стояли длинные столы с горами сувениров. Бусы с яшмой и бирюзой, фигурки животных, вырезанные из черного дерева, молитвенные барабанчики, бронзовые статуэтки богов и богинь, поющие чаши, поделки из рога, серебряные раковины...

Все это богатство призывно блестело и переливалось, позванивало и гудело. Кира уже была здесь, поэтому не задерживалась. Но на неподготовленных туристов подобное великолепие действовало ошеломляюще.

Прилавки с сувенирами чередовались лавками, забиты-

ми трекинговым снаряжением. Не самым лучшим, на мой взгляд, и не самым дешевым.

Двух- и трехэтажные дома выглядели вполне современно. Кроме туристов, сюда свозили еще и контрабанду, которую доставляли по горным тропам из Гунхэго. Так что владельцы лоджей и гостиниц могли себе позволить завести интернет-клубы с десятком хороших компьютеров, настоящие пабы и бары, провести электричество и освещать свои заведения модным неонам.

Отель, в который я вел Киру, был расположен в нижней части города. По вечерам здесь висело облако дыма от печей, которые топились во всех домах. Но многим даже нравился горьковатый запах, плывущий в вечернем воздухе, он добавлял романтики.

Двери «Снежного барса» были гостеприимно распахнуты.

На стенах узкого коридора висели старые, еще черно-белые фотографии покорителей гор. Худых, изможденных, бородатых счастливых на фоне белоснежных пиков и безграничного неба. Никого из них уже давно не было в живых.

— Кстати, ты поднимался на Сагараматху? — спросила Кира, мельком взглянув на фотографии.

— Нет.

— Почему? — Она сняла очки и чуть прищурилась, глядя на меня. — Ты давно здесь живешь. Знаешь все трудности. К высоте адаптировался...

— Не хочу шагать по трупам.

— По каким еще трупам?

— Человеческим. Есть такая кайлатская легенда. Одно из воплощений местного высшего существа — свирепая, жестокая, но справедливая богиня. Она ненавидит, когда люди нарушают правила, установленные ею. И любит украшать склоны своего жилища телами тех смертных, что не угодили ей.

Кира поморщилась:

— А на самом деле?

— Альпинисты гибнут от отека мозга, обморожения,

срываются в трещины. Но никто не в силах спустить с такой высоты их тела. Поэтому они остаются.

Девушка серьезно кивнула. Такое пояснение ее вполне устраивало.

Хозяин отеля был занят очень важным делом — перетаскивал мешки с почтой. Он всегда занимался этим лично, считая, будто без его внимания письма потеряются. Не исключено, что это было именно так.

— Давно тебя не видел, Рай-джи, — сказал он на найтли, отдуваясь и вытирая рукавом застиранной рубашки взмокший лоб. Широко улыбнулся. — Что за дела у тебя здесь?

— Намаскар, Ньима, — ответил я. — Найди комнату для девушки.

Улыбка мгновенно исчезла с пухлых, обветренных губ кайлатца. Его круглое лицо с косматыми бровями и приплюснутым носом стало суровым. Он уставился на Киру, и та невольно поежилась под его пристальным взглядом.

— Она что, с тобой? Ты тоже останешься?

— Нет. Пойду дальше. Но пока она со мной.

Ньима вздохнул, как мне показалось с облегчением.

— Извини, Рай-джи. Не могу. Сам знаешь — ты уйдешь, она останется. А кто она такая, ты можешь сказать? Я — нет. Кто за нее отвечать будет?

— Я ручаюсь за нее.

— А если ты ошибся? Вот если бы ты остался, тогда никаких вопросов. Пусть ночует.

— Ее гид — Радж, — сказал я хозяину, потерявшему к девушке интерес. — Позвони ему. Он скоро приведет сюда остальных ее спутников.

Ньима поворчал еще некоторое время, но отправился на поиски мобильного телефона, вернулся и долго набирал номер проводника, продолжая бурчать что-то себе под нос.

— В чем проблема? — тихо спросила меня Кира. — Свободных номеров нет?

— Есть. Но кайлатцы никогда не оставят в своем доме гостей без сопровождения местного гида, — так же негромко ответил я, одновременно прислушиваясь к тому, как

Ньима, дозвонившийся до Раджа, препирается теперь с ним.

— Опять из-за какой-нибудь дурацкой местной легенды? — произнесла она недовольно.

— Вроде того, — улыбнулся я.

— Ладно, — заявил хозяин гостиницы из-за стойки, убирая телефонную трубку. — Пусть остается. Их прежняя комната свободна. Радж уже на подходе.

— Все в порядке, — сказал я девушке. — Скоро твои друзья будут здесь.

— Ну, тогда спасибо за помощь, — ответила она, глядя в сторону. — Может, еще увидимся.

— Может быть, дорога здесь одна.

Кира кивнула мне на прощание, взяла ключ, который протянул ей хозяин отеля, и, не оборачиваясь, пошла прочь по длинному коридору.

Обычная встреча на тропе. Увиделись, поговорили и больше никогда не встретились.

Я попрощался с Ньимой и вышел из отеля...

Улица круто спускалась вниз. Стал слышен плеск реки, моей постоянной спутницы, следующей почти тем же маршрутом, которым обычно ходил и я. На берегу несколько девушек стирали белье — дружно колотили рубахи и штаны деревянными валиками, поливали водой, топтали босыми ногами, громко смеясь и переговариваясь. Увидев меня, они захихикали еще громче, а самая смелая помахала рукой. Я улыбнулся и махнул в ответ.

На окраине поселка мальчишки запускали воздушных змеев. Их крылья реяли в воздухе, крепко соединенные с землей тонкими бечевками. Ветер держал их в небе и слегка дергал иногда, словно проверяя на прочность удерживающие их нити.

Последним, кто видел меня, — были глаза верховного божества, смотрящие с белоснежной ступы. Они внимательно и в то же время отрешенно наблюдали за всеми проходящими мимо. Выцветшие разноцветные флажки, похожие на воздушных змеев, дрожа на ветру, снова и снова посылали в небо безмолвные молитвы.

Я прошел под высокими воротами с красной крышей, как всегда, крутанул тяжелый резной барабан. И услышал, как он грохочет мне вслед, поскрипывает и звякает, задевая медный колокольчик, подвешенный рядом.

Глава 3

ЛУКУЛА

Дорога резко уходила под уклон, я вышел на очередной отрезок трека, ведущий к цели моего пути через несколько менее крупных селений.

Я шагал, обгоняя туристов, пропуская эбо и носильщиков, привычно срезая путь по узким тропам, а сам думал о том, что сказала Кира.

Многое в ее словах было правдой.

Люди, которые меня окружали, — красивые и не очень, сильные, выносливые, хрупкие, умные, глупые, домоседы и путешественники, — все они не имели души. Того, что называется душой. Той самой искры, которая приносит боль и счастье, умеет любить, сопереживать и страдать, а также вызывает неудержимое влечение у тех, кто не имеет этого огня.

В какой-то старой сказке еще ребенком я читал, что раньше души были у всех. Они попадали в человеческое существо из волшебного источника сразу при рождении. Но однажды произошла катастрофа, родник был засыпан, и теперь лишь крошечные «капли» просачиваются наружу из-под груды камней, и редкие люди получают души. Прочие остаются «пустыми». Они могут жить, ходить, разговаривать, смеяться и никогда не узнают, чего лишились.

Существование их было ровным, сытым, размеренным, рациональным... до тех пор, пока рядом не оказывался тот, кто был наделен душой.

Наш дар — благо и проклятие одновременно. Он безудержно притягивает людей, лишенных души. Сами не зная почему, они начинают испытывать неукротимое влечение к таким, как мы. Хотят, чтобы мы были рядом всегда, каж-

дое мгновение, и... стараются уничтожить. Неосознанно, конечно.

Уолт говорил, что в древности на таких, как мы, велась целенаправленная охота. Люди, лишённые души, убивали нас, для того чтобы извлечь из наших тел эту самую невидимую субстанцию и попытаться перенести в собственное тело. Естественно, из этого ничего не получалось. И в эпоху расцвета просвещения подобные эксперименты прекратились. Сейчас никому в голову не придет пить кровь людей, наделённых душой, или принимать за обедом эликсир из их высушенных сердец. (По преданиям, душа, или ханса, как называли эту нематериальную сущность кайлатцы, находилась именно в этом органе и распространялась с током крови по всему телу.) Но так или иначе нас все равно подталкивали к гибели.

Лишь люди, наделённые душой, могли создавать нечто оригинальное. Такое, как настоящие, волнующие произведения искусства, которые столь ценны в нашем обществе. Картины, скульптуры, здания редкой красоты, изысканные ювелирные украшения, стихи и проза... с каждым годом их творцов оставалось все меньше. И хотя с произведений снимались многочисленные копии, все они были тщательно выполненными, но... бездушными. Поэтому подлинники ценились столь высоко.

Как говорил Уолт, символ нашего мира — математики, доказывающие на улицах теоремы, и зрители, которые платят им за это деньги. Впрочем, в этом он был не прав — математики также должны обладать воображением. И насколько я знал, все основные формулы были выведены и доказаны все теми же обладателями души.

Мой друг Уолтер Брэм был одержим поисками источника душ. Он преподавал этнографию и, в отличие от меня, лингвиста, очень серьезно относился к любому преданию, самому немыслимому. Считал, что за каждым мифом, даже совершенно на первый взгляд нелепым, скрывается реальный исторический факт. И мои слова о том, что легендарный Источник — всего лишь красивая сказка, попытка объяснить устройство мира с помощью аллегории, не устраивали его. По мнению Уолта, мифический родник на-

ходилась именно в Кайлате. Он хотел уехать сюда. На его поиски. Быть может, остаться тут навсегда. А в итоге его мечты, вместе с обширным архивом, достались мне...

До Лукулы я дошел в конце дня.

По сравнению с деревушками на остальном маршруте этот поселок был центром культуры.

Здесь находился настоящий ирландский паб, несколько кофеен, почта, отели с горячей водой в каждом номере и самое главное — аэропорт. Маленькие самолеты с утра до вечера сновали между Лукулой и Кантипуrom — столицей Кайлата, перевозя туристов и грузы. Взлетная полоса была настолько короткой, что самолет, проехав по ней четыре-ста шестьдесят метров, практически падал в пропасть и лишь затем, натужно ревя моторами, поднимался на безопасную высоту, чтобы успеть проскочить над соседними вершинами и не воткнуться в них носом. Посадка проходила так же экстремально. А если на гору вдруг напозало облако, пилоты теряли ориентиры — и машина разбивалась о скалы.

Поэтому, как только начинался дождь, сильный ветер или садилось солнце, на короткую взлетную полосу опускалась тишина. Полеты отменялись до следующего дня. Как сейчас.

Был еще один аэропорт, выше, в Кхуджуне, с гораздо более удобным заходом на посадку. Но им уже десяток лет не пользовался никто, кроме спасателей. Жители деревень, находящихся внизу, взбунтовались, когда поняли, что туристы могут высаживаться сразу на четырех тысячах и не будут останавливаться в их лоджах, а значит, на трекерах они не заработают ни рупии. Кхуджунский аэропорт закрыли. А Лукула процветала.

Горы, окружающие поселок, сегодня заволокли низкие тучи, и от этого казалось, что по городку ползает вечерний сумрак. Где-то за домами кричал петух, слышалось приглушенное звяканье колокольчиков эбо.

Туристы, перебираясь из одного ресторанчика в другой, поглядывали на склоны гор, поросшие лесом, — но ледяные пики Кариотинга, Кзум Кангури и Гонгхла, особенно

хорошо видимые на этой точке маршрута, были плотно укутаны облаками.

Больше всего трекеров скопилось возле офиса местной авиакомпания. Они пытались забронировать себе места на самолеты, вылетающие завтра, — чтобы не сидеть в Лукуле лишний день, два или неделю.

Я здоровался с многочисленными знакомыми, но не останавливался, чтобы поговорить.

Мне навстречу попался Шарма — один из местных «баронов», заправляющих продажей авиабилетов. Почти все они проходили именно через его руки, и этот кайлатец мог помочь любому улететь в нужное время. Он быстрым шагом направлялся к офису компании, а за ним почти бегом следовали два туриста, мечтающих попасть в завтрашний самолет.

Шарма кивнул мне на ходу, всем своим видом показывая, что чрезвычайно занят. Впрочем, я никогда не вызывал у него особого интереса, ведь я не собирался улетать из Кайлата...

Нужный мне паб находился в центре городка. Не заходя в лодж, где обычно останавливался после похода в горы и жил в зимние месяцы, я ввалился в бар с рюкзаком, грязный и всклокоченный.

Здесь не было верхнего освещения, сизый клубящийся полумрак разбивал лишь режущий глаза белый свет за стойкой. На одной из стен висела футболка с дарственной надписью знаменитого певца из цивилизованного мира, когда-то посетившего эти места, на другой — светились неоновыми разноцветными лампами.

Давно знакомый бармен радостно поприветствовал меня. Я кивнул ему в ответ, высматривая того, кто уже давно должен был меня ждать.

Ричард сидел за дальним столиком у стены, потягивая коктейль чудовищного синего цвета. После замызганных местными жителями он выглядел настоящим эстетом в безупречной рубашке цвета лососины и новом сером костюме. Как будто за несколько секунд перенесся сюда из дорогого ресторана на Свит-авеню. Стильные очки в стальной оправе отражали свет огоньков барной стойки. Темно-кашта-

новые волосы аккуратно причесаны. Узел галстука ни на миллиметр не сдвинулся с положенного места между острыми углами воротничка. Впрочем, и говорил он так же — безукоризненно правильно, и если даже добавлял в речь намеренно сниженную лексику, та звучала с аристократичной изысканностью.

Увидев меня, он демонстративно поморщился, выражая неудовольствие моим внешним видом, и слегка выдвинул соседний стул.

— Опаздываешь, — сказал мой агент вместо приветствия. — Ты должен был прийти еще вчера.

Я подошел, сбросил свою поклажу на пол и сел, вытянув гудящие от усталости ноги.

— Пришлось задержаться.

— Надеюсь, это оправданное опоздание?

— Пять камней по сорок карат очень чистой воды, десять по двадцать, двенадцать по шесть и однокаратная мелочь...

— Неплохо. — В карих глазах Ричарда вспыхнули довольные огоньки. Он оглянулся на бармена и жестом подзвал его. — Еще одну «Клубную Маргариту» и коньяк для моего друга.

Пока не принесли заказ, он молча постукивал пальцами по столу, подсчитывая доходы, которые принес ему мой очередной поход в горы. Я отдыхал, поглядывая по сторонам.

С трудом представляю, как этот щеголь мог оставить свою отлаженную жизнь в цивилизованном мире и переселиться в крошечный городок на окраине земли. Впрочем, сюда он прилетал всего на пару дней, остальное время проводил в Кантипуре, где проживал в лучшем отеле, окруженный очаровательными служанками и покорными слугами из низших каст, готовыми выполнить любую его прихоть. Возможно, древняя кровь аристократа взывала к тем эпохам, когда в своем родовом замке господин мог по желанию казнить и миловать любого, не отвечая ни перед кем и постоянно чувствуя свою безграничную власть. Здесь он наслаждался полной вседозволенностью за небольшие деньги.